

На правах рукописи

Олимова Аниса Шохруховна

**ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Душанбе – 2026

Работа выполнена на кафедре теоретического и прикладного языкознания
Межгосударственного образовательного учреждения высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Научный руководитель: Искандарова Дилоро Мукаддасовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического
и прикладного языкознания МОУ ВО
«Российско-Таджикский (Славянский)
университет»

Официальные оппоненты: Сабирова Сановбар Ганиевна,
доктор филологических наук,
заведующая кафедрой лингвистики
Филиала Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
в городе Душанбе

Нурализода Мухаммад Нурали,
кандидат филологических наук,
и.о. доцента кафедры русского языка и
литературы
Педагогического института Таджикистана
в Раштском районе

Ведущая организация: Таджикский международный университет
иностранных языков имени Сотима Улугзода

Защита диссертации состоится «10» декабря 2026 года в 13:00 часов
на заседании диссертационного совета 73.2.003.01 по защите докторских и
кандидатских диссертаций при Межгосударственном образовательном
учреждении высшего образования «Российско-Таджикский (Славянский)
университет» (734025, г. Душанбе, ул. Мирзо Турсун-заде, 30.).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте
Российско-Таджикского (Славянского) университета (<https://www.rtsu.tj>)

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 года

Учёный секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук

 Рахимов Абдухамит Абдибосирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последние десятилетия в мировой лингвистике наблюдается возрастающий интерес к суггестивной проблематике звучащей речи. Многочисленные исследования доказывают, что речевой звук от природы обладает собственным эмоционально-оценочным потенциалом, способным оказывать подсознательное психологическое влияние на реципиента независимо от лексического значения слова. Данная диссертационная работа посвящена комплексному типологическому и экспериментальному анализу фоносемантической структуры таджикского языка.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнения существенного пробела в таджикском языкознании, где звукоизобразительные механизмы словопорождения и суггестивный потенциал фонем до сих пор остаются малоизученной областью. Развитие фоносемантики таджикского языка требует перехода от описательных наблюдений к точным экспериментальным и компьютерным методам анализа. Практическая актуальность работы продиктована высокой востребованностью фоносемантического инжиниринга в современных сферах нейминга, маркетинга, создания рекламных брендов и политических спичрайтерских текстов, где фонетическая субстанция выступает мощнейшим инструментом подсознательного воздействия на массовую аудиторию.

Объектом исследования выступает фоносемантическая система таджикского языка в ее перцептивном и суггестивном аспектах.

Предметом исследования являются эмоционально-оценочный потенциал и суггестивные особенности гласных и согласных фонем таджикского языка, выявляемые в монолингвальной и билингвальной аудиториях в сопоставлении с русским языком.

Степень разработанности темы. Фундаментальная база современной фоносемантики и психолингвистики была заложена в трудах выдающихся ученых: А.А. Леонтьева («Основы психолингвистики»), Л.В. Сахарного и А.С. Штерн («Введение в психолингвистику»), И.Н. Горелова, а также в классических работах основателей российской фоносемантики С.В. Воронина («Основы фоносемантики») и А.П. Журавлева («Звук и смысл»), разработавших методологию измерения фонетического значения. В таджикском языкознании фоносемантическая проблематика не подвергалась комплексному экспериментальному анализу, однако отдельные структурно-семантические аспекты звукоизобразительных слов и редуplikаций рассматривались в диссертационных и монографических трудах М.Ф. Фазылова, Ф.Р. Турсуновой, Л. Бекташа, Д.Ш. Музафаровой, Н.А. Гафурова. Базой для применения экспериментальных психолингвистических методик (в частности, ассоциативного эксперимента) в Республике Таджикистан служат фундаментальные труды ученых научной школы «Прикладная лингвистика в РТ» под руководством Д.М. Искандаровой (М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, З.А. Гулова, Х.Ё. Худоёров и др.).

Цель работы заключается в проведении комплексного экспериментального исследования фоносемантической системы таджикского языка в типологической перспективе с последующим выходом на автоматизированный анализ текста.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- провести критический анализ теоретической базы психолингвистики и фоносемантики;
- осуществить сбор, систематизацию и адаптацию инструментария (антонимических шкал) для проведения фоносемантического эксперимента в таджикской лингвокультуре;
- провести направленный ассоциативный эксперимент по оценке фоном таджикского языка среди монолингвальной и билингвальной аудиторий;
- выявить и сопоставить фоносемантические характеристики специфических таджикских звуков, не имеющих аналогов в русском языке;
- апробировать алгоритмы автоматизированного фоносемантического анализа (*analizpise.ru*) и технологий искусственного интеллекта на материале художественных текстов и их переводов.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в таджикском языкознании проводится полномасштабный экспериментальный анализ перцептивной оценки звуков таджикского языка. Впервые определен фоносемантический ореол специфических таджикских фонем ([К], [F], [Ч], [X], [Ū]), а парадоксы их восприятия научно обоснованы сквозь призму культурно-исторической матрицы (сакральной фонетики и Таджвида). Впервые сопоставлены фоносемантические профили таджикского и русского языков в условиях активного билингвизма.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении понятийно-методологического аппарата таджикского языкознания за счет интеграции фоносемантики, психолингвистики и лингвокультурологии. Доказано влияние артикуляционных баз и традиционных фонетических канонов на подсознательную эмоциональную оценку языкового знака.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что созданная в ходе экспериментов верифицированная матрица оценок таджикских фонем послужит алгоритмической базой для разработки первого таджикоязычного программного обеспечения фоносемантического анализа. Материалы исследования могут быть использованы в вузовской практике при чтении курсов по психолингвистике, теории перевода, прагмалингвистике, а также в практическом нейминге и контент-анализе.

Методология и методы исследования. Теоретико-методологической базой послужили концепции С.В. Воронина и метод семантического дифференциала (шкалирования) А.П. Журавлева. В ходе работы применялся комплексный инструментарий: описательный и сравнительно-сопоставительный методы, метод направленного психолингвистического эксперимента (анкетирования), методы статистической и количественной обработки данных. Для интерпретации текстов применялись алгоритмы компьютерных программ (*analizpise.ru*, *Vaal.ru*), а также методы кросс-верификации (триангуляции) с

привлечением больших языковых моделей (LLM, в частности *ChatGPT* и *Perplexity AI*), что позволило систематизировать массивы данных и повысить глубину герменевтического анализа.

Материалом исследования послужили данные, полученные в ходе направленного фоносемантического эксперимента (анкетирования), в котором приняли участие более 180 респондентов (представители монолингвальной и билингвальной среды Таджикистана, а также контрольная русскоязычная группа). Кроме того, в качестве материала для сопоставительного компьютерного анализа были использованы отрывки из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его перевода на таджикский язык, а также патриотическое стихотворение Х. Юсуфи «Ман Ватанро беш аз ҳарвақта дорам дӯсттар» и его русский перевод В. Левика.

На защиту выносятся следующие положения:

1. **Этнокультурная детерминация фоносемантики:** Эмоционально-перцептивная оценка звуков таджикского языка обусловлена не только универсальным акустическим иконизмом, но и глубокой культурно-исторической матрицей. Специфические гортанные и увулярные согласные ([К], [Ғ]), исторически относящиеся к категории напряженных звуков (*муста'лия/тафхим*), формируют в таджикском языковом сознании устойчивый кластер негативной и суровой (маскулинной) фоносемантики, в то время как фарингальный [Х] (*хамс*) выступает абсолютным носителем позитивной, легкой семантики.

2. **Фоносемантическая полярность таджикского вокализма:** Система гласных таджикского языка демонстрирует четкое фоносемантическое расслоение, коррелирующее с историческими фонетическими категориями. Чистые, открытые гласные ([А], [О], [И]) оцениваются носителями языка как носители света, активности и гармонии. Напротив, артикуляционно сложные, гласные (специфический [Ў], закрытый [Э]), восходящие к смешанной категории «*мачхул*», подсознательно дешифруются реципиентами как «тяжелые», «темные» и «медлительные».

3. **Билингвальная фоносемантическая интерференция:** В условиях таджикско-русского двуязычия языковое сознание билингвов демонстрирует фоносемантическую интерференцию. Наложение русской артикуляционной базы приводит к когнитивным сдвигам в оценке ряда фонем (в частности, [И], [У]), однако звуки ([Ф], [Ш]), обладающие отрицательным индексом в русском языке, сохраняют высокий позитивный статус в таджикской выборке благодаря своему культурному престижу.

4. **Трансформация суггестивного потенциала в художественном переводе:** Фоносемантическая доминанта (особенно в ударных и финальных позициях слова) полностью определяет скрытый психологический вектор текста. При поэтическом переводе (с русского на таджикский и наоборот) неизбежно происходит трансформация суггестивного ореола: фонетическая адаптация текста под принимающий язык способна видоизменять эмоциональную тональность произведения (например, усиливая его суровость за счет увулярных звуков).

5. **Эмпирическая база для цифровой лингвистики:** Полученная в результате масштабных ассоциативных экспериментов статистическая матрица перцептивной оценки фонем представляет собой первый достоверный эмпирический фундамент для разработки систем автоматизированного компьютерного фоносемантического анализа текстов на таджикском языке.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается глубокой проработкой фундаментальной теоретической базы по психолингвистике и фоносемантике, применением комплексной методологии, адекватной поставленным целям и задачам, а также репрезентативным объемом проанализированного материала. Объективность выводов подтверждается корректным использованием методов количественно-статистической обработки данных и успешной верификацией результатов эксперимента с помощью алгоритмов цифрового анализа текста.

Апробация материалов исследования проводилась в рамках научно-практических конференций разного уровня: на ежегодных научно-практических конференциях «Славянские чтения» (2021–2025 гг.), на ежегодных международных научно-практических конференциях «Роль молодых женщин-ученых в развитии науки, инноваций и технологий» (2021–2023 гг.), на научно-практической международной конференции «Лингвистика XXI века: проблемы, перспективы, инновационные направления» (2023 г.). Материалы исследования также были апробированы на заседаниях НТС и НМС кафедры теоретического и прикладного языкознания факультета иностранных языков РТСУ.

По материалам исследования было опубликовано 7 статей, среди них 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, общим объемом более 6 п.л.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка сокращений, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Теоретические вопросы психолингвистики и фоносемантики как методологической основы исследования» состоит из 6 разделов. Первая глава посвящена теоретическим основам психолингвистики и фоносемантики, а также ученым, которые внесли существенный вклад в формирование психолингвистики как самостоятельной научной дисциплины. Особое внимание уделяется методам исследования, а именно методу психолингвистического эксперимента. Помимо того, в данной главе подробно анализируются основные исследования отечественных ученых-лингвистов, а текст рассматривается в качестве предмета изучения психолингвистики.

В первом разделе данной главы «История возникновения и развития психолингвистики как научной дисциплины» рассматривается эволюция междисциплинарного направления, фокусирующегося на исследовании ментальных аспектов языка, изучении психологических и неврологических механизмов усвоения, восприятия и порождения речи.

Истоки становления психолингвистики восходят к экспериментальным трудам В. Вундта и антропологическим исследованиям Ф. Боаса. Сам термин,

впервые предложенный американским психологом Дж.Р. Кантором (1936 г.) и популяризированный Г. Пронько (1946 г.), окончательно закрепился в академической среде после междисциплинарных семинаров в Корнеллском (1951 г.) и Индианском (1953 г.) университетах, заложивших теоретический фундамент новой науки.

Кроме того, в этом разделе подробно описываются три основных этапа развития психолингвистики. Период первого поколения (1950-е гг.) развивался в русле американского необихевиоризма и характеризовался идеями реактивности, атомизма и изоляционистского индивидуализма при анализе речевого поведения человека вне социального контекста. Видными учеными первого этапа являются Ч. Осгуд, Т. Себеок, Дж. Кэрролл.

Второе поколение, развивавшееся в русле когнитивного поворота конца 1950-х – 1960-х гг., проанализировано сквозь призму теории «порождающей грамматики» Н. Хомского и концепции планирования речи Дж. Миллера. В рамках данной парадигмы был преодолен атомизм бихевиористов, введены понятия глубинной и поверхностной структур, а европейская ветвь направления (П. Уотсон, Дж. Грин и др.) направила фокус исследований на психологическую реальность цельного текста.

Третье поколение психолингвистики (1970-е гг.), представленное трудами Дж. Верча, Дж. Брунера, П. Фресса, Ж. Пиаже, Р. Ромметвейта и Д. Дюбуа, ознаменовало решительный отказ от формально-изоляционистской модели. В центре внимания исследователей оказалась социальная, историческая и коммуникативная природа языка, включенного в реальный контекст общения, а также в процессы памяти и мышления.

В разделе 1.2 «Основные направления психолингвистических исследований в трудах зарубежных, советских (российских) и региональных ученых» анализируются ключевые концепции ведущих мировых школ. В рамках американского направления подробно рассматриваются теория врожденной языковой способности Н. Хомского, когнитивная теория метафоры Дж. Лакоффа, а также эволюционный подход С. Пинкера (1994 г.) к языку как биологическому инстинкту и исследования других ученых.

Российская психолингвистическая традиция представлена теорией речевой деятельности (ТРД), созданной А.А. Леонтьевым на основе психологической школы Л.С. Выготского [Леонтьев 1965, 1967, 1969b]. Также подчеркивается роль И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы в сближении лингвистики с психологией и пояснение важности языкового эксперимента. Описывается деятельность Московской психолингвистической школы (МПШ) (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин), сфокусированной на изучении языкового сознания и этнопсихолингвистики. Параллельно рассматривается Петербургская школа (Л.В. Сахарный, А.С. Штерн, Т.В. Черниговская), исследующая восприятие текста и нейрофизиологические основы речи.

Особое внимание в разделе уделено развитию науки в Китае и странах Центральной Азии, где наиболее актуальны вопросы двуязычия (билингвизма). В китайской лингвистике особое место занимают труды Гуй Шичуня (Gui Shichun 1985; 1991), Ван Фусяня (Ван Фусян 1989; 2007), Шу Хуа (Shu Hua 2003),

Донг Яньпина (Dong Yanping 2009) и Пенг Данлинга (Peng Danling 2012). В центральноазиатском регионе анализируется опыт ученых Казахстана по изучению национального языкового сознания и составлению ассоциативных словарей (Н.В. Дмитриук, А.К. Шаяхметова, Ж.К. Ибраева, Б.Х. Хасанов). Механизмы понимания текста представлены трудами кыргызского исследователя А.А. Брудного (1998 г.), а современные модели двуязычия – трудами К.З. Зулпукарова (Зулпукаров и др. 2023). Развитие психологии речи в Узбекистане показано через исследования М.Г. Давлетшина (1971; 2002) и А. Таджибаевой (2023 г.).

Систематизация опыта проанализированных исследовательских школ позволяет очертить научный контекст для изучения речевых процессов в таджикской среде. Обзор теоретических подходов доказывает, что точное изучение фоносемантических явлений невозможно без экспериментов, что требует подробного рассмотрения методик психолингвистического анализа.

Раздел 1.3 «Методы психолингвистики» посвящен разграничению основных понятий исследовательской методологии и классификации основных методов исследования в психолингвистике. С опорой на труды А.А. Леонтьева и материалы «Лингвистического энциклопедического словаря» в разделе выделяются понятия общего метода (как системы приемов познания) и конкретной методики (как её прикладного варианта для решения отдельных задач).

Кроме того, в работе представлена классификация В.П. Глухова и В.А. Ковшикова (2007 г.), разделяющая методы психолингвистики на четыре функциональные группы: организационные, эмпирические, обрабатывающие и интерпретационные подходы.

Центральное место в арсенале науки занимает психолингвистический эксперимент. Именно он позволяет выйти за рамки обычного наблюдения и обнаружить скрытые механизмы восприятия речи.

В подразделе 1.3.1 «Метод психолингвистического эксперимента» рассматривается обоснование экспериментального подхода как главного инструмента объективного изучения речи. Становление этого подхода прослежено от И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы до Л.В. Сахарного и Р.М. Фрумкиной, указывавших на необходимость строгого контроля условий опыта и обязательного участия носителей языка.

В тексте раскрыта специфика психолингвистического теста. В отличие от реальной жизни, где человек погружен в общий контекст, эксперимент (по А.А. Леонтьеву) изолирует изучаемый фактор и ставит человека в ситуацию управляемого выбора. Суть когнитивной закрытости речевых процессов передана через схему «стимул – черный ящик – реакция», где исследователю доступен только анализ соотношения входных данных и ответных реакций респондента (Ягунова 2005).

Подробно описаны две базовые методики:

1. **Ассоциативный эксперимент** (Ю.Н. Караулов 1993), который запускает процесс активации нейронных связей в сознании и помогает установить значимые смысловые отношения между словами.

2. Метод семантического дифференциала Ч. Осгуда как инструмент измерения личного, эмоционального восприятия (Osgood, Suci, Tannenbaum 1957).

Следует отметить, что эксперимент позволяет объективно проверять теоретические гипотезы и вскрывать национально-культурные особенности мышления. Это служит логическим переходом к обзору крупных научных центров региона, включая Таджикистан.

Раздел 1.4 «Взаимосвязь психолингвистики и когнитивной науки: современные научные центры» содержит процессы сближения двух дисциплин и обзор ведущих исследовательских школ. В рамках антропоцентрической парадигмы язык рассматривается не как обособленная знаковая система, а как когнитивная функция, неразрывно связанная с памятью, вниманием и мышлением. Объединение этих подходов привело к формированию когнитивной психолингвистики, исследующей структуру языкового сознания.

В работе также систематизирована деятельность ключевых исследовательских центров. Помимо деятельности Санкт-Петербургской школы под руководством Т.В. Черниговской (Институт когнитивных исследований СПбГУ), также отражена специфика региональных российских центров: Тверского (анализ ментального лексикона), Уфимского (динамика языкового сознания), Саратовского (вопросы онтолингвистики и фоносемантики), а также Пермской и Воронежской школ.

Отдельное внимание уделено развитию когнитивно-психолингвистических исследований в Республике Таджикистан на базе школы «Прикладная лингвистика» (РТСУ).

Подраздел 1.4.1 «Исследования таджикских лингвокогнитивистов на основе ассоциативного эксперимента» посвящен обобщению опыта применения ассоциативного метода в трудах современных учёных Таджикистана. В работе анализируются исследования ученых РТСУ под руководством профессора Д.М. Искандаровой, заложившие основу прикладной и этнолингвистической школы в республике. Рассматриваются коллективные исследования, направленные на мониторинг толерантности, выявление этнических стереотипов и построение этнопсихологического портрета студенческой молодежи (исследования Д.М. Искандаровой, Х.Дж. Шамбезода, М.Б. Давлатмировой, З.А. Гуловой, О.В. Ладыгиной, А.Ю. Фомина) [Iskandarova et al. 2015, 2016].

Значительное место отведено диссертационным исследованиям, расширяющим концептуальное описание национального языкового сознания. В тексте систематизированы результаты изучения макроконцепта «Судьба» в таджикской и памирской лингвокультурах (Давлатмирова 2019), сопоставительного анализа категории «Пространство» на материале русского, польского и таджикского языков (Каримова 2019), а также моделирования специфики ассоциативных полей «Таджик» (Гулова) (Искандарова и др. 2016). Вежливость» (Худоёров 2021) и «Сабр/Терпение» (Курбонова 2021). Рассмотрен опыт верификации лингвокультурного типажа «Жена» (Козлова 2022) с привлечением данных Национального корпуса таджикского языка.

Обобщение эмпирического материала позволило систематизировать различного рода ключевые маркеры национально-культурной специфики языкового сознания носителей таджикского языка.

Раздел 1.5 посвящен тексту, который в психолингвистике рассматривается как живой продукт **речевой деятельности**, неразрывно связанный с человеческим фактором и ситуацией общения. В отличие от классического лингвистического подхода И.Р. Гальперина, психолингвистическая модель Л.В. Сахарного и А.С. Штерн ориентирована на вектор «от содержания к форме» [Сахарный 1991]. Здесь внешние параметры и даже грамматическая правильность отходят на второй план, что позволяет анализировать даже спонтанную детскую речь или речевые отклонения.

Следовательно, восприятие цельного текста осуществляется не только на лексико-грамматическом, но и на бессознательном, перцептивном уровне. Физическое звучание слов, в свою очередь, способно напрямую влиять на эмоции человека, что открывает путь к изучению текста в рамках **фоносемантики**.

В разделе **1.6 «Становление фоносемантики как самостоятельной дисциплины»** подробно исследуется исторический путь этой науки к обретению своего официального статуса – путь, который представляет собой эволюцию от интуитивных философских догадок к строгому эксперименту. Её незаслуженно забытые истоки восходят к средневековой арабо-персидской филологии. В трудах Ибн Джинни была сформулирована теория «великой деривации» (*аль-иштикак аль-акбар*), доказывавшая, что перестановка фонетически родственных согласных сохраняет общее смысловое поле слова. Тогда же Абд аль-Кахир аль-Джурджани разработал теорию композиции (*назм*), связавшую звучание со смыслом, а правила чтения Корана (*таджвид*) впервые зафиксировали прагматику звуков, где твердость ассоциировалась с трепетом, а мягкость – с умиротворением. Эта культурно-историческая традиция веками влияла на звуковой идеал мусульманского Востока [Фролов 2006] и сформировала, в том числе, языковое сознание носителей таджикского языка.

Европейскую традицию звукового символизма (*Lautsymbolik*) заложил В. фон Гумбольдт (1836 г.), а развил её Г. фон дер Габеленц, связав её с интуитивной детской этимологией. Главный недостаток этих гипотез – полное отсутствие доказательной базы.

Настоящий прорыв произошел во второй половине XX века в советском языкознании. Станислав Васильевич Воронин в своей докторской диссертации (1982 г.) официально ввел термин «фоносемантика», доказал произвольность языкового знака и создал универсальную классификацию звукоизобразительной лексики. Параллельно Александр Павлович Журавлев совершил методологическую революцию: применив шкалы семантического дифференциала, он смог количественно измерить психологическое значение русских, превратив звуко-символизм в точную измеримую величину [Журавлев 1991].

Современные исследователи сфокусированы на поиске звуковых универсалий, процессах утраты иконичности (деиконизации) слов, изучении

звуко-цветовой ассоциативности и разработке специализированного софта (программы «ВААЛ» и «Звукоцвет»). При этом фоносемантика иранских языков, включая таджикский, до сих пор остается малоизученной областью, что открывает перед исследователями значимые научные перспективы.

В подразделе 1.6.1 «Исследование звукоизобразительных слов: от эмпирики к теории» рассматривается история изучения звукоизобразительных систем (ЗИ-систем). Ранние труды по звукоизобразительности (ЗИ), несмотря на ценность отдельных наблюдений, отличались субъективностью методик и ограниченным объемом эмпирических данных. Этот подход, связывающий ЗИ с зарождением речи (включая жестовую гипотезу Р. Пейджета (1930)), развивали А. Йоханнессон (1949 г.), Г. Ревес (1946 г.) и т.д. В дальнейшем проблема роли звукоизображения в происхождении языка была детально рассмотрена в исследованиях Н.И. Ашмарина, А.М. Газова-Гинзберга, И.Н. Горелова и др.

В течение долгого времени лингвистический принцип Ф. де Соссюра о произвольном характере языкового знака становился препятствием развитию теории ЗИ. Однако, накопление фактов заставляло учёных чаще обращаться к звукосимволизму. Строгое теоретическое осмысление феномена начал О. Есперсен в 1920-е годы.

Уже на раннем этапе стало ясно, что изучение звукосимволизма не может быть плодотворным на материале одного языка без данных неродственных языков: необходимо обращение к психологии, особенно экспериментальной. Фокус исследований постепенно сместился к классическим опытам Э. Сепира, доказавшего психологическую реальность связи акустики гласных и восприятия размера объекта, а также к другим психолингвистическим исследованиям этого явления.

Вслед за Э. Сепиром Р. Браун и К. Тейлор доказали, что изучение звукосимволизма невозможно без сопоставления разных языков и применения методов экспериментальной психологии (Brown 1958). Благодаря этому проблема мотивированности знака, которую Р. Jakobson считал одной из самых важных в науке, обрела прочный фундамент. Убедившись в универсальности звукового символизма, учёные перешли к систематизации и классификации его конкретных проявлений, прежде всего ономастопов.

В подразделе 1.6.2 «Классификация ономастопов как база для становления фоносемантики», исследуется эволюция систематизации звукоизобразительного материала, начиная с ранних классификаций А. Фрёлиха (1925 г.) и Х. Марчанда (1959 г.). Заслуга исследователей – обращение к структуре звукоподражательного слова, однако классификации критиковались: они базировались на анализе отдельных фонем без учета их артикуляционно-акустических свойств и внеязыковой природы самого источника звука.

В работе подчеркивается гносеологический парадокс, на который в 1967 году указывал А.А. Леонтьев. При большом объеме эмпирических фактов в лингвистике долгое время отсутствовало их адекватное теоретическое обобщение. Традиционное языкознание, опиравшееся на соссюровский постулат о произвольности знака, оказалось неспособно объяснить природу звукосимволизма.

Фоносемантика возникла как реакция на этот методологический тупик. Она не просто обобщила накопленный материал, но и сформировала мощный теоретический аппарат, доказавший, что фонетическая мотивированность слова представляет собой универсальный языковой закон, действующий наряду с принципом произвольности знака.

Подраздел 1.6.3 «Исследование звукоизобразительных слов в языках мира и в таджикском языкознании» посвящен обзору ономотопеических и звукосимволических исследований по различным языковым ареалам. В XX веке колоссальный фактический материал по ономотопее и звукосимволизму был накоплен в германских, романских, славянских, тюркских, семитских и других языках мира (в частности, в трудах В. Вундта, О. Есперсена, С.В. Воронина, Д. Вестермана и др.). Однако в таджикском языкознании фоносемантика и ЗИ-слова долгое время оставались на периферии научных интересов, поскольку комплексного полномасштабного исследования до недавнего времени не проводилось, хотя отдельные аспекты этой проблемы затрагивались в ряде значимых отечественных трудов.

Истоки изучения таджикской ЗИ восходят к работам М. Ф. Фазылова (1958 г.), Ф.Р. Турсуновой (2013 г.) и Н. Алиназаровой (2014 г.), раскрывающим многоаспектную специфику ономотопеической лексики. Особое место занимает исследование экспрессивных повторов (редупликаций), представленное в монографии Д.М. Искандаровой и Л. Бекташа (Искандарова, Бекташ 2016). Прагматический, фонеморфологический и контекстуальный потенциал данного явления также подробно раскрывается в исследованиях Д.Ш. Музафаровой (2016 г.) и Н.А. Гафурова (2019 г.).

Научные исследования таджикских учёных направлены преимущественно на структурно-семантическом описании ономотопеи и грамматическом анализе редупликации, тогда как глубинный уровень восприятия звука носителями таджикского языка (в том числе в условиях билингвизма) масштабно не исследовался. Это определяет высокую актуальность и научную новизну нашего исследования.

Вторая глава диссертации «Экспериментальное исследование фоносемантической системы таджикского языка» состоит из 8 разделов и посвящена комплексному исследованию фоносемантической структуры таджикского языка (на материале изолированных звуков, ономотопей и художественных текстов), а также анализу системы гласных/согласных звуков и определению их культурно-специфических особенностей.

Раздел 2.1 «Исходные теоретические положения фоносемантики» посвящен исходным теоретическим положениям фоносемантики как самостоятельной дисциплины. Интерес к связи звука и смысла прослеживается от архаических представлений (древнеиндийские Веды, древнегерманские руны), где имя представляется как магический заместитель вещи (Тронский 1936), до философских и лингвистических концепций Нового времени.

Ведущим направлением фоносемантики выступает типологическое исследование ЗИ лексики и разработка **звукоизобразительной таксономии** –

систематизированной классификации ониматопов (Флакман 2022; Воронин 1982).

В концепции С.В. Воронина данная система квалифицируется как объективная классификация ониматопов, отражающая прямую корреляцию между акустическими характеристиками денотата и их фонетическим воплощением в языке [Воронин 1969; 1982].

Логическим продолжением таксономического подхода стала разработка метода фоносемантического анализа, составляющего инструментальный базис данной диссертации.

Раздел 2.2 «Исследование фоносемантической структуры текста: компьютерные программы» рассматривает специальные компьютерные программы для фоносемантического анализа текстов.

Среди авторитетных систем выделяются комплекс «**ВААЛ**» (В.И. Шалак), оценивающий эмоционально-суггестивное воздействие и звуко-цветовые ассоциации текста, и программа «**СЛОВОДЕЛ**» версия DIATONE (И.Ю. Черепанова), нацеленная на экспертизу внушающего потенциала речи. В академической среде разработаны собственные программные продукты: «**ЗВУКОЦВЕТ**» (Л.П. Прокофьева; анализ аллитераций и звуко-цветовой динамики в русском и английском языках), а также серия программ Уфимской школы под руководством Т.М. Рогожниковой – «**БАРИН**» (русский/английский), «**БАТЫР**» (башкирский/ татарский) и «**БЮРГЕР**» (немецкий) для автоматизированного анализа звуко-цветовых соответствий в словах и текстах.

Следует добавить, что для таджикского языка специализированного фоносемантического программного обеспечения на данный момент не существует. Таким образом, данное исследование может стать теоретической и эмпирической базой для создания подобных алгоритмов в будущем.

Подраздел 2.2.1 «Основная идея и критерии фоносемантического анализа (на примере политического дискурса)» посвящен теории А.П. Журавлева о подсознательном фонетическом значении звуков речи, вызывающих у людей устойчивые эмоционально-оценочные ассоциации. По мнению ученого, у звуков можно обнаружить не только некую содержательность, но и измерить тонкие, почти не осознаваемые реципиентами свойства звуков. Примеры подобных звуков подробнее описаны в диссертации.

Опираясь на данную концепцию, был создан ряд компьютерных программ, такие как *analizpistem.ru*, использующих семантический дифференциал Ч. Осгуда и шкалы Журавлёва (23 – 25 биполярных признаков) для автоматического анализа текстов. Подобные сервисы обеспечивают оперативный анализ больших текстов, определяя психологический профиль автора и скрытый суггестивный потенциал, в частности, на письмах литературных героев (Евгения Онегина, Пьера Безухова и др.).

Фоносемантический анализ выступает эффективным инструментом дешифровки скрытых механизмов речевого воздействия. Использование компьютерных программ и психолингвистических шкал позволяет дешифровать этот скрытый уровень воздействия, что делает фоносемантику мощным инструментом современного языкознания.

В подразделе 2.2.2 «Возможности компьютерного фоносемантического анализа» рассматривается методологический потенциал и прикладные задачи программы Vaal.ru, чей практический потенциал охватывает широкий спектр задач: от коммерческого нейминга и контент-анализа до фоносемантической корректировки публичных политических выступлений.

Алгоритм работы программы основывается на автоматическом переводе печатного текста в фонетическую транскрипцию с учетом фонетических тонкостей. В основе лежит экспериментальная матрица А.П. Журавлёва, который на материале русского языка оценил звуко-символизм всех фонем по 25 шкалам. Антонимические шкалы объединяются в три фактора: **оценка** (*хороший – плохой, красивый – отталкивающий* и др.), **сила** (*могучий – хилый, сильный – слабый* и др.) и **активность** (*активный – пассивный, быстрый – медленный* и др.) [Журавлёв 1991: 20-21].

Данный подход опирается на трехкомпонентную модель семантической структуры слова, объединяющую **понятийное ядро** (денотат), **признаковый аспект** (коннотации) и **фонетическую значимость** (бессознательное восприятие звучания) [Журавлев 1991: 29].

Критерии оценивания звуков основаны на вычислении среднего арифметического по 5-балльной шкале, где оценки 1, 2 – положительные, 4, 5 – отрицательные, а 3 имеет нейтральное значение [Журавлев 1991: 15].

Компьютерный фоносемантический анализ позволяет по-новому взглянуть на природу самого языкового знака, поскольку он делает возможным количественное описание фонетической значимости и раскрывает связь между звучанием, эмоциональным воздействием слова и его мотивированностью.

Раздел 2.3 «Специфика проведения фоносемантического эксперимента в таджикской аудитории» посвящен этнокультурным и социолингвистическим факторам, влияющим на восприятие звуковой формы слова. Переход от алгоритмического анализа к психолингвистическому анкетированию респондентов из Республики Таджикистан требует учета особенностей их языкового сознания и условий функционирования речи в билингвальной среде.

В подразделе 2.3.1 речь идет о социолингвистических условиях функционирования таджикско-русского билингвизма и регионального мультилингвизма в Республике Таджикистан, которые определяют специфику этноязыкового сознания носителей [Шамбезода 2019]. Анализируется нормативно-правовая база языковой политики государства, а также зонирование этноконтактных ареалов (северного, южного и восточного/бадахшанского), в рамках которых переплетаются функции государственного (таджикский), официального/межэтнического (русский), памирских, узбекского и киргизского языков. Такая этноязыковая неоднородность формирует сложную билингвальную и мультилингвальную среду [Искандарова 2023].

В подразделе 2.3.2 «Основные фонологические отличия таджикского и русского языков» анализируются основные артикуляционно-акустические и фонологические дифференциации двух языковых систем, выступающие

объективной базой для построения психолингвистического эксперимента в двуязычной среде (Хаскашев 1983; Арзуманов, Сангинов 1988).

Далее проанализированы классификации фундаментальных различий в вокализме и консонантизме:

1. Категория палатализации: Отсутствие в таджикском языке противопоставления согласных по твердости/мягкости (за исключением полумягкого альвеолярного [л]), представляющая собой нечто среднее между русскими [л] и [ль].

2. Система вокализма: Анализируется состав 6-фонемной системы гласных таджикского языка ([a], [u]/[ū], [o], [y], [э], [ū]), устойчивость фонемы [o] к безударной редукции, а также фонологический статус специфических гласных [й] и [ū].

3. Специфический консонантизм: Квалифицируются фоносемантические свойства увулярных ([ɟ], [ɟʰ]), звонкой аффрикаты ([ʈʂ]), фарингальной щелевой ([χ]), не имеющих аналогов в современном русском языке.

4. Особый статус гортанной смычки: Обосновывается включение знака «ъ» (аломати сакта) в число экспериментальных стимулов как самостоятельной артикуляционной единицы при абсолютном исключении буквы «ь» (мягкий знак) из-за отсутствия в таджикской графике.

Раздел 2.3.3 посвящен адаптации шкал А.П. Журавлёва для таджикоязычной аудитории и методике проведения психолингвистического эксперимента. До начала эксперимента автору потребовалось адаптировать 25 антонимических шкал под таджикоязычную аудиторию.

Оценка строилась по 5-балльной шкале семантического дифференциала (1 обозначало максимально выраженный позитивный признак, 5 – негативный, а 3 – нейтральное значение). Студентам было непривычно воспринимать «пятерку» не как высшую оценку, а наоборот, также абстрагироваться от графики буквы, оценивая чистое звучание. Из-за объема анкеты (38 звуков по 25 параметрам), собранный материал проходил строгую верификацию: записи с пропусками и механически выставленными одинаковыми баллами сразу исключались из выборки, как статистически ненадёжные.

Подраздел 2.3.3.1 «Ход эксперимента и характеристика выборки» посвящён характеристике выборки из более чем 180 респондентов (включая студентов ТНУ, Филиала МГУ, РТСУ и контрольную группу из РФ), а также процедуре проведения анкетирования и отбраковки анкет. Среди опрошенных были и взрослые люди разных профессий и возрастных категорий.

Раздел 2.3.4 «Анализ согласных звуков таджикского языка: результаты эксперимента и культурно-историческое обоснование» посвящён анализу пяти специфических согласных фонем таджикского языка: [X], [x], [ʈʂ], [ɟ] и [K], не имеющих прямых аналогов в русской фонетике.

Опрос выявил четкий контраст. Звуки [X] и [x] оказались положительными, причем звук [X] показал абсолютное доминирование «хороших» реакций, поскольку респонденты описали его как красивый, нежный, легкий и безопасный, не дав ни одной негативной оценки из 25. Звук [x] также

оказался положительным, хотя и с более умеренными баллами (см. Таблица № 1, № 2 в диссертации).

Совершенно иначе считаются [Ч], [Г] и [К] – они прочно зафиксировались на векторе тяжести, грубости и суровости. Особенно резко это проявилось у звуков [К] и [Г], получивших максимальное число ассоциаций с «тёмным», «страшным» и «тяжёлым» (см. Таблица № 1, № 2 в диссертации).

Матрица валентности подтвердила этот разрыв: [Х] и [Х] в сознании носителей языка воспринимаются положительно, а [Ч], [Г] и [К] – негативно. Это наглядно доказывает, что восприятие фонем тесно связано с культурно-языковым опытом таджикской аудитории (см. Приложение № 1, Приложение № 1а в диссертации).

В подразделе 2.3.4.1 «Фоносемантика звуков в структуре имени собственного» анализируются результаты компьютерного моделирования, использованного для проверки объективности наших экспериментальных данных. Отдельные аспекты этой темы ранее были рассмотрены на примере таджикских антропонимов [Олимова 2021]. Анализ имен *Қурбон*, *Ғиёс* и *Ҷасур* в программе «ВААЛ-мини» (с использованием русской транслитерации) показал стабильный фоносемантический ореол в сторону тяжести, резкости и суровости. Живой опрос носителей полностью совпал с машинным алгоритмом: звуки [К], [Г] и [Ч] действительно ассоциируются у информантов с суровостью, жесткостью и выраженной маскулинностью.

Однако интерпретировать эти цифры исключительно через рамки европейской психолингвистики было бы ошибочно. Такое противоречие связано с глубинным этнокультурным восприятием и, в первую очередь, вековой традицией **Таджвида** – науки о правильном чтении Корана. Именно эти религиозно-акустические каноны во многом формируют подсознательную оценку таджикских фонем, что и необходимо учитывать при анализе полученных результатов.

В подразделе 2.3.4.2 «Культурно-историческое обоснование результатов: влияние традиции Таджвида» рассматриваются этнокультурные истоки полученных данных через призму традиции Таджвида.

Артикуляционно сложные звуки [К] и [Г] в Таджвиде относятся к категории муста‘лия (звуки возвышения); их тяжелое и раскатистое звучание выражает величие и мощь, что в ответах респондентов отразилось как «тяжёлый», «грубый» и «мужественный». Напротив, фарингальный [Х] относится к категории «хамс» (шепотные звуки) и рихва (мягкие) артикулируется мягко и ассоциируется с духовно-нежными понятиями (хаёт – жизнь, рух – дух), обеспечив ему лидерство по шкалам «светлый» и «лёгкий».

Следовательно, сакральные нормы Таджвида подтверждают основной закон фоносемантики (С.В. Воронин): артикуляционный жест напрямую задаёт оценочный смысл фонемы.

Далее аналогичным образом автором рассматриваются гласные звуки таджикского языка [А], [О], [И], [У], [Э], [Ў].

Раздел 2.3.5 «Фоносемантический анализ гласных звуков таджикского языка» посвящен анализу вокализма таджикского языка ([А], [О], [И], [У], [Э], [Ў]), где была выявлена биполярность их фоносемантического восприятия.

1. В группу позитивных гласных входят звуки [А], [О], [И], [У]. Подробнее можете посмотреть в диссертации.

2. К группе негативных гласных относятся звуки [Э], [Ў]. Подробнее с результатами анализа можно ознакомиться в диссертации

В подразделе 2.3.5.1. «Акустическое и культурно-эстетическое обоснование результатов» анализируются акустические и культурно-исторические причины, определяющие фоносемантическое восприятие гласных звуков таджикского языка. Резкий контраст в восприятии открытых ([А], [О]) и специфических/закрытых ([Э], [Ў]) гласных объясняется акустикой и культурным контекстом.

Широкие [А] и [О] обладают максимальной сонорностью. В персидско-таджикской поэтике (*аруз*) и лингвокультуре они несут семантику простора и света (*осмон* – небо, *офтоб* – солнце). Фундаментальную роль здесь играют традиция Таджвида: арабская строгая триада чистых огласовок – *фатха* ([А]/[О]), *касра* ([И]) и *дамма* ([У]) – подсознательно закодирована у таджиков как эталон правильности и гармонии. Это объясняет позитивный вектор восприятия фонем [А], [О], [И] и [У] (см. Таблица № 3, № 4 в диссертации).

Напротив, [Э] и [Ў] исторически относятся к категории *мачхул* («неизвестных», смешанных) звуков, отсутствующих в сакральном каноне (см. Таблица № 3, № 4 в диссертации). Акустически [Ў] артикулируется более «сдавленно» и напряженно по сравнению с чистым [У] или [О], а [Э] считается как плоский и резкий звук (см. Приложение № 2, Приложение № 2а в диссертации).

В языковом сознании билингвов эта артикуляционная сложность и отклонение от эталона рассматриваются как нечто «тёмное», «сложное» и «шероховатое», переводя звуки [Э] и [Ў] в разряд семантически «тяжёлых».

Раздел 2.4 «Результаты ассоциативного эксперимента в билингвальной среде» посвящен анкетированию, проведенному среди студентов 3 и 4 курсов Филиала МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Душанбе (50 человек). Выборка представлена активными билингвами, у которых русский язык преобладает в ежедневном обиходе (Искандарова, Асророва 2024; Боченкова 2016; Дешериев 1972).

В подразделе 2.4.1 «Анализ гласных звуков: билингвальный аспект» рассматриваются результаты сопоставительного анализа, которые показали, что фоносемантическая матрица гласных у билингвов сохраняет преемственность (см. Раздел 2.3.4 в диссертации), но испытывает влияние русской языковой базы.

Гласные [А], [О], [И] сохраняют свое положительное значение, где фонема [А] лидирует по шкалам «хороший» и «активный». При этом у [И] укрепился признак «женственный», что объясняется интерференцией с русской традицией, где этот звук связывается с категорией «маленький» и «женский».

В восприятии звука [У] возникло смещение оценок: у билингвов параметры «большой» и «длинный» стали сочетаться с признаками «грубый» и

«отталкивающий», отражая ассоциации русского [У] с тревогой, печалью и гулом.

Специфические фонемы [Э] и [Ў] подтвердили пассивно-негативный статус («очень плохой», «грубый», «тёмный», «шероховатый»). Лишь по шкале «добрый/злой» оценки [Ў] разделились поровну.

Таким образом, совокупность данных подтверждает гипотезу о том, что артикуляционно сложные (закрытые/лабиализованные) гласные оцениваются носителями (независимо от степени владения русским языком) как более «тяжелые».

В подразделе 2.4.2 «Фоносемантический анализ согласных звуков в структуре звукоподражаний» речь идёт о фоносемантическом восприятии таджикских звукоподражательных слов (ономатопей) «*тақ-тақ*», «*тиқ-тиқ*», «*тўқ-тўқ*» и «*тарақ-туруқ*». Для выявления их суммарной семантики изолированно проанализированы реакции респондентов на согласные [Т], [Р] и [К], формирующие их звуковой каркас. Количественные показатели по всем шкалам систематизированы в Приложении № 4 (см. Приложение № 4а в диссертации).

Результаты эксперимента демонстрируют чёткую фоносемантическую оппозицию: согласные [Т] и [Р] воспринимаются преимущественно как позитивные, «сильные» и «активные» звуки, тогда как увулярный [К] устойчиво оценивается как «грубый», «шероховатый» и «отталкивающий» (см. Таблица № 5 в диссертации).

Таким образом, анализ доказал, что слова «*тақ-тақ*», «*тиқ-тиқ*» и «*тарақ-туруқ*» воспринимаются преимущественно позитивно благодаря преобладанию «хороших» звуков, хотя фонема [К] добавляет им немного грубости. Напротив, лексема «*тўқ-тўқ*» оценивается преимущественно отрицательно, поскольку содержит больше отрицательных звуков.

В подразделе 2.4.3 «Сравнительный анализ звуков таджикского и русского языков (по результатам эксперимента)» рассматривается сопоставительный анализ фоносемантических профилей идентичных фонем у носителей русского языка (по эталонным данным А.П. Журавлёва) и у студентов-билингвов Таджикистана. Цель сопоставления: установить наличие или отсутствие глубинных этнокультурных различий в подсознательном восприятии звуковой материи.

Экспериментальная методика опиралась на алгоритм А.П. Журавлёва: анкетирование проходило в строго изолированных условиях, где от респондентов требовалось оценивать звуки ([А], [И], [О], [М], [Л], [Б], [Д], [Г], [Р], [Ж], [Ф], [Х], [Ш]) по 5-балльной шкале, адаптированной для устранения психологического фактора «школьной оценки» и получения наивысшей объективности реакций.

Принципиальное отличие сравниваемых выборок заключается в их социолингвистической природе: если в исследованиях А.П. Журавлёва участвовали разновозрастные монолингвы – носители русского языка, то нашу выборку составили студенты-билингвы, владеющие таджикским, русским и, реже, узбекским языками.

Подраздел 2.4.4 «Анализ результатов эксперимента в билингвальной среде» посвящен сопоставительному анализу фонем, представленных в обоих языках ([А], [И], [О], [М], [Л], [Б], [Д], [Г], [Р], [Ж], [Ф], [Х], [Ш]). Данный анализ позволил установить степень их фоносемантического соответствия в монолингвальной и билингвальной средах (см. Таблица № 7 в диссертации).

Согласно данной таблице экспериментальные данные подтверждают концепцию А.П. Журавлёва об универсальном артикуляционном иконизме: фонемы [А], [О], сонорные [М], [Л] и смычные [Б], [Д] сохраняют идентичные позитивные статусы («хорошие», «большие», «нежные», «сильные») в обеих группах.

Специфические расхождения обусловлены культурно-языковой интерференцией: [И]: у билингвов оценивается как «большой» из-за семантической и грамматической весомости ударного [й] в таджикском языке. [Р]: переход в нейтральную зону по шкале «нежный – грубый» объясняется меньшей раскатистостью таджикского артикуляционного аналога. [Ф]: Положительная оценка у билингвов связана с высоким статусом арабско-персидской лексики (*фазл*, *фарах*). [Ж] и [Ш]: Позитивное восприятие [Ш] и нейтральность [Ж] контрастируют с их негативным статусом у монолингвов. Нейтрализация [Ж] обусловлена низкой частотностью в таджикском лексиконе (Фарҳанги забони тоҷикӣ 2008).

Практическая ценность исследования заключается в применимости фоносемантических данных в эргонимике, рекламе и нейминге (классический пример – экспортный ребрендинг неблагозвучного «Жигули» в светлое «Лада») [Журавлёв 1991: 66].

Таким образом, ассоциативный эксперимент показал, что билингвизм не меняет общую основу восприятия звуков, а лишь добавляет в неё национально-культурные особенности.

В разделе 2.5 «Фоносемантический анализ художественного текста в сопоставительном аспекте (оригинал и перевод)» приводится сопоставительный фоносемантический анализ поэтических текстов на таджикском и русском языках. Отметим, что исследовательской базой послужили: любовная лирика: отрывок «*Письма Татьяны*» из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его таджикский эквивалент, также гражданская поэзия: стихотворение Х. Юсуфи «*Ман Ватанро беш аз ҳарвақта дорам дӯсттар*» в сопоставлении с русским переводом В. Левика.

Подраздел 2.5.1 «Анализ перевода «Письма Татьяны к Онегину» посвящен фоносемантическому анализу оригинального русскоязычного фрагмента «Письма Татьяны» («*Я к вам пишу...*», Приложение 5 в диссертации). При анализе таджикского перевода («*Бар шумо хат менависам...*», Приложение 6 в диссертации). В результате анализа выявлено преобладание признаков «пассивный», «грустный», «печальный», «холодный», наряду с характеристиками «мужественный» и «стойкий». Такое сочетание отражает эмоциональную замкнутость лирической героини при внутренней готовности к самоотдаче.

При анализе таджикского перевода «*Бар шумо хат менависам...*» сохраняется эмоциональное ядро текста: грусть, меланхолия и холодность. Наряду с этим автоматический анализ фиксирует дополнительные отрицательные признаки: «тяжёлый», «суровый», «тёмный» и «шероховатый». Этот сдвиг может быть связан с частотностью фонем [к], [ғ], [ч] и [ӯ], которые в проведённом эксперименте получили подобные негативные оценки. Из-за глубокой и напряжённой артикуляции (категория муста'лия) эти фонемы ассоциируются у носителей с мрачностью и суровостью (см. Раздел 2.3.3 в диссертации). Поэтому лёгкая грусть пушкинского текста в переводе превращается в фатальную обречённость, показывая, как поэзия адаптируется к законам звучания родного языка.

Подраздел 2.5.2 посвящен фоносемантическому анализу патриотической лирики (на материале стихотворения Х. Юсуфи).

Фоносемантический анализ таджикского оригинала стихотворения Х. Юсуфи «*Ман Ватанро беи аз ҳарвақта дорам дӯсттар*» выявил двоякую фоносемантическую картину: сочетание позитивных признаков («храбрый», «мужественный», «стойкий») с отрицательными характеристиками («тёмный», «грустный»). Данная парадоксальность объясняется намеренным сгущением автором плотных, раскатистых согласных для воссоздания атмосферы военной угрозы. Концентрация увулярных и фарингальных звуков [К] (12 раз), [Ғ] (4 раза), [Ч] (4 раза), закрытого [ӯ] (13 раз), а также аллитерация [Р] (*гуррандатар, буррандатар*) формируют звуковой образ непреклонной силы, суровости и боевой решимости.

В русском переводе В. Левика («Настало время, мой калам...», Приложение 8 в диссертации) фоносемантический профиль принципиально меняется. Автоматический анализ выделяет признаки «короткий», «сконцентрированный», «быстрый» и «безопасный». Перевод демонстрирует высокую логическую систематизацию, однако утрачивает исходную экспрессивную мощь и суровость оригинала.

Для углубления интерпретации был применён метод триангуляции с привлечением больших языковых моделей (LLM). Нейросетевой анализ фоносемантических профилей позволил верифицировать психологические портреты авторов (см. Таблица № 8 в диссертации). Следовательно, **оригинал стихотворения (Х. Юсуфи)** отражает эмоционально-интуитивное мышление, сочетание тонкой лиричности с твёрдым внутренним стержнем и открытостью, **а перевод (В. Левик)** транслирует логико-структурный, рациональный тип мышления с упором на сдержанность и контроль.

Сравнительный анализ показал, что стандартные сервисы выявляют лишь базовые эмоции текста, тогда как нейросети объединяют звуковые особенности в цельный психологический портрет. Результаты компьютерного анализа следует интерпретировать как характеристику звуковой организации текста, а не как достоверный психологический портрет автора или переводчика.

В **Заключении** рассматриваются ключевые теоретические и экспериментальные результаты настоящего диссертационного исследования, посвященного комплексному анализу фоносемантической структуры

таджикского языка. Теоретическое оформление фоносемантики как самостоятельной области связано с трудами С.В. Воронина, определившего её объект, предмет и основные задачи. Особое значение для развития экспериментального направления имеют также исследования А.П. Журавлёва, предложившего уникальную методику оценки фонетического значения звуков.

По итогам проведенных психолингвистических экспериментов и сопоставительного анализа поэтических текстов сформулированы следующие фундаментальные **выводы**:

1. **Универсальность и специфика.** Экспериментально доказана универсальность звуко-символизма базовых фонем ([А], [О], [М], [Л]). В то же время зафиксирован этнокультурный сдвиг: позитивное восприятие [Ф] и [Ш] у таджикоязычных респондентов обусловлено статусом этих звуков в арабо-персидской лексике.
2. **Семантика специфических фонем.** Впервые определена фоносемантическая окраска звуков [К], [Ғ], [Ҷ], [Х], [Ў]. Фонемный знак [Х] образует зону абсолютного позитива, а [К] и [Ғ] – ядро суровой и тяжёлой фоносемантики. Это объясняется традицией арабо-мусульманской сакральной фонетики (Таджвид), связывающей категории *муста'лия* с мужественностью и суровостью.
3. **Билингвальная интерференция.** Восприятие фонем у таджикско-русских билингвов демонстрирует когнитивные сдвиги, вызванные взаимодействием двух артикуляционных баз.
4. **Трансформация при переводе.** Комплексный анализ художественных текстов (А.С. Пушкин, Х. Юсуфи) с применением алгоритмов *analizpise.ru* и нейросетевых моделей подтвердил неизбежность сдвига суггестивного ореола оригинала при переводе из-за смены артикуляционной основы.

Список использованной литературы:

1. Воронин, С.В. Английские ономатопы. – СПб.: Институт иностранных языков, 1969. – 196 с.
2. Воронин, С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1982. – 243 с.
3. Журавлев, А.П. Звук и смысл / Кн. для внекл. чтения учащихся ст. классов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1991. – 160 с.
4. Искандарова, Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны [Электронный ресурс] // Русин. 2023. – №74. – С. 319-338. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-v-tadzhikistane-etnokontaktnye-zony> (дата обращения: 05.01.2025).
5. Леонтьев, А.А. Психолингвистика. – Л.: Наука, 1967. – 169 с.
6. Леонтьев, А.А. Слово в речевой деятельности: некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А.А. Леонтьев; отв. ред. М.М. Гухман; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1965. – 244 с.

7. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность/А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1969b. – 214 с.

8. Сахарный, Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С. 221-237.

9. Фролов, Д.В. Арабская филология: Грамматика, стихосложение, корановедение. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 440 с.

10. Iskandarova, D., Gulova, Z., Davlatmirova, M., Karimova, N., Fomin, A. Monitoring of Tolerance Associative Field and Forecasting of Inter-ethnic Interrelations Problems: Questionnaire Survey in the University Environment of Tajikistan. Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015, 6 (5 S4). – P. 35-46.

11. Iskandarova, D.M., Shambezoda, H.D., Davlatmirova, M.B., Ladygina, O.V., Salikhov, N.N. Social and Linguistic Aspects of the Tajik National Identity Formation: the Findings of the Survey of Students in Tajikistan. Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т.9. – №5. – P. 1-13.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

а) Статьи, опубликованные в журналах, включённых в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

1. Олимова А.Ш. Перспективы исследования фоносемантической системы таджикского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: Изд-во РТСУ, 2021. – № 2 (74). – С. 189-198.

2. Олимова А.Ш. Фоносемантика таджикских звуков как предмет изучения психолингвистики (на экспериментальной основе) // Казанская наука. – Казань: Рашин Сайнс, 2022. – № 6. – С. 156-159.

3 Олимова А.Ш. Сравнительный анализ фоносемантических особенностей таджикских звуков (по результатам эксперимента) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: Изд-во РТСУ, 2023. – № 3 (81). – С. 307-316.

4. Олимова А.Ш. Фоносемантическое исследование таджикских и русских звуков: опыт сравнения // Вестник Таджикского Национального университета. – Душанбе, 2024. – №2. – С. 138-146.

б) Другие публикации:

5. История зарождения фоносемантических исследований в современной лингвистике (научная статья) // Роль молодых ученых в развитии науки, инноваций и технологий: материалы VI Международной научной конференции. – Душанбе: Совет молодых ученых Национальной Академии наук Таджикистана, 2021. – С. 179-184.

6. Фоносемантика согласных звуков как предмет изучения психолингвистики (на экспериментальной основе) // Роль женщин-ученых в развитии науки, инноваций и технологий: материалы III-ей Международной

научно-практической конференции. – Гулистон: Совет молодых ученых Национальной Академии наук Таджикистана, 2022. – С. 328-335.

7. Таджвид как объект фоносемантического анализа: от классической традиции к современной лингвистике // Формирование финансово-экономических механизмов инновационного развития: материалы X Всероссийской научной конференции. – Великий Новгород, 2026. – С. 42-45.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 05.10.2026. Подписано в печать 06.10.2026.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура литературная.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Услов. печ. л. 1,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 110.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе,
ул. Мирзо Турсун-заде, 30